

ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

*Если истинными истинниками по
различным вопросам истории, науки, литературы
и искусства выступают не только
такие выдающиеся личности,*

как Фигур

ПСИ ГОСПОДИ
ИЗ НЕИЗДАННОГО

SHOUT
SHARE **IT**

- Валентин Саввич Пикуль
 - СЕТЬ ДЛЯ ВРЕМЕНИ
 - КАК ПРИХОДИТ ТЕМА?
 - УМЕРЕТЬ ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ
 - ОБ ОТНОШЕНИИ К ЛОШАДЯМ
 - О себе

Валентин Саввич Пикуль

Интервью, мысли, записи

СЕТЬ ДЛЯ ВРЕМЕНИ

(Интервью-размышление. Журнал «Трезвость и культура». 1986. № 2)

Давайте поговорим о времени!

Для начала, не удивляйтесь, внимательно посмотрим на одну примечательную картину...

Художник Сальвадор Дали назвал ее «Упорстро памяти»... Огромное отпугивающее пространство. Здесь все словно застыло. На переднем плане оцепеневший ствол дерева, рядом валяется какая-то кость ископаемого животного. У линии горизонта — спокойное море и леденящие душу скалы. Все это исполнено талантливо и... отталкивающе.

Но вот что бросается в глаза: гигантские часы. Их несколько, и они разбросаны по всей картине. Исковерканные, сплюснутые, с рваными краями. Создается впечатление, что все часы тают, как куски льда. Но их стрелки показывают разное время. В левом углу — часы с закрытым циферблатом. На крышке какие-то странные насекомые. Аллегория картины более прозрачная, чем на других работах Дали. Жизнь на земле прекратилась. Изуродованные часы напоминают о том, что когда-то была жизнь. Когда-то было время. Сейчас все находится в стадии разрушения. Часы еще есть, но время остановилось.

Если задуматься всерьез, то время никогда прежде не занимало такого места в сознании человека, как сегодня. Мы встречаемся буквально на каждом шагу с человеком бегущим, спешащим, торопящимся. Каждый из них живет под знаком времени. Кто-то очень верно подметил: для того чтобы оставить эмблему нашей цивилизации, достаточно изобразить часовой циферблат с бегущей секундной стрелкой...

Что есть ВРЕМЯ?

Над разгадкой его ломали головы мыслители прошлого, схватывались в жарких спорах литераторы, скрещивались самые противоречивые направления философии и психологии. Вне вопроса о времени было трудно представить развитие человечества...

Непонятное тоже стоит знать. Музыка — ведь тоже абстракция, однако, слушая ее, мы порой плачем. Уличная реклама — абстракция, но иногда она вызывает восхищение. Театр, в конце концов, с его условными декорациями, — тоже абстракция, однако мы не возмущаемся этим. Очевидно, в каких-то зонах жизни абстракция попросту необходима. Как и время.

Но самое ценное, что даровано человеку, — это время. Когда

закончилась война, у меня было всего пять классов образования. Надо было зарабатывать себе на хлеб. Я выбрал хлеб литературный. Хотел быть парашютистом, но для этого требовалось восемь классов. Мечтал стать машинистом, меня опять не взяли на курсы по той же причине. Я не иронизирую над своей судьбой: она действительно сложилась так, что мне деваться было некуда. Вы только не думайте, что в литературе меня ждали. Напротив, мне пришлось преодолеть огромные трудности, пока в 1956 году меня не приняли в Союз писателей. Но, и выпустив первую книгу, я понял, что жизнь будет трудной. Надо было доказывать свое право называться литератором. До 30 лет я учился самостоятельно. И вот сейчас, когда уже выпущено более двадцати книг, я признаюсь — своей работоспособностью я еще не удовлетворен...

Почему я все же стал писателем-историком?

«Не зная прошлого, нельзя понять настоящее и построить будущее» — так рассуждал Максим Горький. Добавлю от себя, что история — инструмент острорежущий! Его лезвие можно использовать и как спасительный скальпель, и как оружие, наносящее болезненные раны. Хочет того или не хочет исторический романист, но, сядя за рабочий стол, он уже волею обстоятельств вовлечен в борьбу. А это требует и сил, и времени...

Морская служба помогла мне раз и навсегда обрести необходимую для прозаика потребность в самодисциплине, продолжительном напряжении. Сила воли помогает и в преодолении тех критических жизненных ситуаций, что не минули ни одного из нас. Вопреки всему иду, выражаясь морским термином, избранным курсом. Многие качества, в том числе и способность умело распоряжаться временем, я принес с флота. Многие мои товарищи ничего не пишут только потому, что не получили в юности фронтовой закваски и уступили то ли под натиском восторженных похвал или самоуспокоенности, то ли не смогли преодолеть неизбежных в труде литератора неудач.

Никто сейчас не отрицает один из способов образования — самообразование! Доверить образование самому человеку — значит признать в нем способность улучшить себя самого и сделать жизнь насыщенной и интересной. Я никогда не ждал, что кто-то придет ко мне и попытается сделать мою жизнь интересной. Я иногда удивляюсь людям, которые едут в дом отдыха только для того, чтобы повеселиться, надеясь, что их развеселит затейник. Правда, мне приходилось, и не раз, видеть группы подростков, которые совершенно не знают, что им делать и как быть? Они бесцельно стоят на улицах, в подворотнях,

гогоча, задевая прохожих, брэнча на гитарах, покуривая. Сперва они принаравливаются сбрасываться мелочевкой и покупать дешевое вино. Потом переходят на водку. Разве они могут ценить великую ценность жизни — время?! Я как-то подсчитал: допустим, в день они тратят попусту три часа. В месяц получается около четырех суток, а за год — пятьдесят...

Как-то я не выдержал, подошел к ним, сделал замечание. И что же? Попросили не распоряжаться их временем.

Кто-то из мудрецов сказал, что в юности время считается золотым, в зрелые годы — серебряным, в преклонном — свинцовым. Да, время неуловимо и неощутимо...

Говорят, существует мнение, что человека можно вполне определить, зная, кем он был окружен в юности и как воспитан. С этим можно соглашаться, а можно и не соглашаться. Ведь вот мы, мальчишки, буквально водворенные на Соловки в школу юнг, были на самообслуживании: и стирали, и гладили, и строили, и учились. Все делали сами. И почти все стали хорошими людьми в жизни. Главное — быть увлеченным.

Мы живем в стране, имеющей книжные традиции. Я не понимаю тех людей, которые жалуются на отсутствие книг. Скорее, они не могут выбрать нужное. Признаюсь, не люблю иноземное слово «хобби». Я привык его заменять словом «увлечение». Такой человек, возвратясь с работы, остается занятым, посвящая себя любимому делу. Сколько в жизни я наблюдал: коллекционеры — счастливейшие люди. Пусть один разводит кактусы, а другой разыскивает диковинные марки — всё благо! Такой человек, я твердо убежден, не будет жаловаться на то, что ему нечего делать и потому он выпивает.

Литература для меня — не увлечение. Это моя профессия. Но я еще имею кое-что и для души. Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне два увлечения: русскую генеалогию и русскую иконографию (не надо путать это слово с иконами. Это наука о портретах). Не будь у меня этих увлечений, мой литературный путь был бы обедненным...

Что я скажу по поводу различных человеческих характеров? Каждый должен оставаться самим собой. Наше общество не нуждается в нивелировании людей. Пусть все будут разными. И каждый должен быть на своем месте. И свои обязанности в обществе он должен свято выполнять. Я презираю в людях тщеславие, но высоко ценю в них честолюбие. Честолюбие — от слова «честь», а честь всегда ценилась и ценится высоко. Честь всегда определяла приверженность человека своему долгу — как индивидуальному, так и гражданскому. Мы говорим — это честный человек, значит, это человек, на которого всегда можно

положиться.

Уважаю людей за трудолюбие. К сожалению, человек не всегда хочет работать, но в том-то и заслуга его, что, преодолевая себя, он подходит к станку, становится у штурвала, садится за стол. Следовательно, хочешь ты или не хочешь, но ты обязан трудиться. Вдохновенный и творческий труд, о котором у нас так много говорят, требует людей тоже одержимых...

Верно подмечено, что характерной чертой настоящего времени является обращение ко времени прошлому в той или иной форме. Почему это происходит? Идет поиск нравственных критериев. Возникает потребность отыскать истоки нравственных норм. Так ли это?

Думаю, что так. Генеалогические связи с предками и семейные традиции играют немаловажную роль в становлении характеров молодых поколений. Как у нас сейчас внук гордится славой своего деда, сражавшегося под Сталинградом, так же, скажем, юноша XVIII века знал, что его прадед сражался под Полтавой, а отец участвовал в штурме Измаила. Память о предках — главное и необходимое условие в воспитании духа патриотизма. В связи с этим мне бы хотелось сказать еще о таком человеческом качестве, как доверие. В былые времена щедрее оказывалось доверие юности. Сейчас у нас человек вступает в сознательную жизнь после двадцати лет и даже старше. А до этого находится на полном обеспечении родителей и государства.

К доверию надо тщательнее присмотреться и, быть может, оказывать его еще со школьной скамьи...

И последнее: я считаю, что хорошо налаженная семейная жизнь и добрые отношения внутри семьи — основа успеха в жизни, это блистательный стимул трудоспособности...

КАК ПРИХОДИТ ТЕМА?

(Интервью Е. Гусларову — спецкору казахстанской газеты «Ленинская смена». 13.01.88)

ВОПРОС: Как к вам приходит тема? Есть ли такой толчок, после которого вы уже знаете — будет новая книга?

В.П. — Писатель, пишущий о современности, едет искать тему в колхоз или на завод, командировку ему оплачивают. Я, исторический романист, сижу дома, и тема приходит от изучения тех книг, тех материалов, за приобретение которых мне никогда и никто не платит, наоборот, я сам плачу немалые деньги. Например, мой гонорар за роман «У последней черты» не смог окупить тех средств, что я истратил на приобретение редчайших изданий о «распутин-щине». Именно из освоения новых исторических материалов и рождается новая тема — новая книга...

ВОПРОС: У Пикуля нет пока подражателей. Может быть, это потому, что подражать вам трудно, поскольку нужна неимоверная работоспособность? Особенно в той части, что вам каждое слово, вероятно, нужно подтвердить документом, преданием, историческим фактом?

В.П. — Вопрос о подражателях. О подражателях ничего сказать не могу, но сам я имею отличные образцы для подражания. Это — Александр Малышкин, который произвел на меня огромное впечатление, и я до сих пор по-доброму завидую его умению владеть языком.

Это Франсуа Рабле с его гиперболическими формами, близкими к гротеску.

Наконец, Салтыков-Щедрин с его умнейшей, глубокой сатирой, который в «Истории одного города» близок к формам Рабле. Люблю писателей-народников, особенно Г. Успенского с его прекрасной книгой «Нравы Растеряевой улицы». Люблю В. Шишкова с его точной подачей самого сложного исторического материала...

ВОПРОС: Странная вещь. Читатель уже давно относится с беззаветной преданностью к Пикулю, к каждому его произведению. А критика никак не может определить настоящее место писателя В. Пикуля в нашей литературе. Хотя можно вполне определенно сказать, что каждое произведение ваше влияет на формирование нынешнего читателя. Как вы сами относитесь к этому парадоксу?

В.П. — Самым лучшим критиком для меня является жена, которая все исторические материалы прочитывает вместе со мною. Потому ее критика существенна и основана на точных

знаниях тех фактов, которые употреблены мною в работе. Критик же способен только ругать меня, но критиковать не может, ибо ему незнакомы материалы. Все сводится или к огульному охаиванию, или же к «ловле блох». Критику я презираю, ибо она у нас попросту безграмотна. Много я встречал на своем веку бездарных писателей-неудачников, которые стали у нас критиками только потому, что сами ничего не умеют делать. Я буду согласен только тогда с критикой, если увижу, что критик знает в истории то, что привелось узнать мне. Мой последний роман «Каждому свое» (о французском генерале Моро) обошли полным молчанием, ибо не знают критики об оппозиции Наполеону со стороны его же генералитета...

Дополню, что обо мне не только «брюзжат», но и сплетничают. Например, будто я завел катер и бежал на нем в Швецию. Или — жена моя «гребет» деньги из швейцарских банков. Все это вранье, я ни разу и за границей-то не был. Не был и не тянет туда, ибо за рабочим столом мне гораздо интереснее, нежели болтаться «галопом по Европам».

Что же касается того, портит ли дурная критика мне настроение, я отвечу так: никакая критика не мешает мне жить, ибо ни хороших отзывов, ни тем более дурных я никогда не читаю.

С тех пор как у меня стало весьма неважно со здоровьем, жена взялась оградить меня от критики. Она все и читает. Может быть, она права. Во всяком случае, я ей подчиняюсь, и выходит, что критики портят теперь настроение не мне, а ей...

ВОПРОС: Некоторые из моих друзей (в том числе и я) считают, что Пикюль для своего времени значит больше, чем Дюма для своего. Потому что Дюма современная ему Франция просто-напросто «устала» читать, а Пикюля сейчас не хватает. Хотя работоспособность, пожалуй, одинакова, а тиражи ваши бывают и побольше.

В.П. — Оставлю на вашей совести сравнение с Дюма. А что касается существа, то отвечу так. Разница тут большая. Дюма стремился к развлекательности, я же свою задачу вижу в том, чтобы пробудить в читателе чувство патриотизма, основанного на знании отечественной истории...

ВОПРОС: Считаю, что ваша заслуга значительна уже тем, что вы изобрели, если так можно выразиться, наиболее современный стиль, даже жанр произведения, наиболее приближенного к духу документа. То, что особенно нужно читателю, к чему он тянулся. Ваши книги заполнили эту часть потребностей. Может, отсюда и такой успех? Вы сознательно стремились к подобному стилю, или это получается случайно?

В.П. — Когда-то Ю. Тынянов говорил: «Где кончается документ, там я начинаю». У меня все наоборот. Я почти не могу писать без документа, пусть даже незначительного.

Может, тем и объясняется внимание читателя к моим романам, что он ощущает в них наличие подлинного факта.

О своем стиле ничего сказать не могу. Стил — это характер самого автора, самого человека...

ВОПРОС: Немного о творческом распорядке. Что могут означать слова «творческая дисциплина» по отношению к В.Пикулю?

В.П. Пока не закончу работу, от стола не отрываюсь: нет ни праздников, ни выходных. Уже несколько лет все праздники встречаю за рабочим столом...

ВОПРОС: Что бы вы могли посоветовать молодому писателю, который взял так называемую «трудную» тему, не угодил критике?

В.П. — Вопрос понял... Такому писателю я советую взять другую трудную тему и, если не угодит вкусу читателя, пусть берется за третью... Мнение критики не всегда совпадает со вкусом читателя...

ВОПРОС: Мы часто спрашиваем авторитетных людей о том, какая мысль должна быть сегодня главной, какому завету надо следовать молодежи, чтобы честь и в самом деле, не испачкать смолоту. Со временем из этого может сложиться своеобразная «книга назиданий». Какую мысль вы могли бы предложить для нее?

В.П. — Главное в человеке — это и в самом деле честь, а поддерживать свою честь надо не словами, а делом. Ненавижу в людях тщеславие, зато уважаю людей честолюбивых...

ВОПРОС: Какое из описанных вами исторических лиц наиболее вам симпатично, и наоборот?

В.П. — В молодости я любил поручика Карабанова (из романа «Баязет») и мичмана Вальронда (из романа «Из тупика»). Сейчас мои любимые герои — сильные личности: Исполатов (роман «Богатство»), Полюнов (роман «Каторга»). Не люблю тех героев, которые мне не удались, а характеры их по каким-то причинам мною едва намечены...

ВОПРОС: Двадцатый век в большей части уже принадлежит истории. Есть ли в нем такой период, который вы бы хотели, как говорится, копнуть?

В.П. — Я уже копнул его достаточно. Можно вспомнить романы «Моонзунд», «Три возраста Окини-саи» «Крейсера», «Из тупика», «У последней черты»...

Сейчас буквально погружен в освоение трудного материала о Сталинградской битве.

ВОПРОС: Бытует мнение, что Пикуль весьма неохотно встречается с журналистами. С чем это связано?

В.П. — У меня нет времени для разговоров до такой степени, что не всегда удается поговорить с женой, к тому же я не сторонник того, чтобы имя писателя часто мелькало в печати — пусть это имя чаще повторяется при выходе новых книг...

ВОПРОС: Мне, как патриоту своей республики, хочется задать и такой вопрос: нет ли у вас в запасе сюжета из истории Казахстана?

В.П. — Вы знаете, есть. Сейчас у меня в работе историческая миниатюра, действующее лицо которой печально знаменитый генерал Анненков. Активно изучаю события, связанные с его черными делами на территории вашей республики, в частности — героическую эпопею Черкасской обороны...

ВОПРОС: Ценители вашего творчества знают, что вы перенесли тяжелую болезнь. Как вы себя чувствуете сейчас? Продолжаете ли работать?

В.П. — После болезни врачи поместили меня в санаторий. Скажу, что на любой гауптвахте мне было бы веселее, нежели в санатории. Удивляюсь, что в них хорошего? Вернулся в подавленном состоянии и долго не мог оправиться именно после санатория. Мне там нечего было делать — это главное! Вернувшись домой, я поправился лишь тогда, когда снова оказался за письменным столом и начал писать. О болезни думаю тогда, когда оторвусь от работы. Именно труд — лучший лекарь. Больных я бы посылал не в санатории, а куда-нибудь на работу. Там бы они живо поправились...

ВОПРОС: Последний вопрос такой: любите ли праздники? Меняется ли со временем отношение к торжественным мелочам жизни?

В. П. — Праздники ненавижу, ибо они мешают работе. Несколько лет, как уже говорил, встречаю Новый год за рабочим столом. Если мне хочется создать праздничное настроение, я могу любой будний день превратить в праздник. Но, если говорить честно, то у меня есть только одни праздники — это когда поставлена последняя точка в романе и голова в такие моменты освобождается для восприятия новой темы. К каждой новой теме я подхожу в праздничном настроении...

УМЕРЕТЬ ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

(Интервью В. Д. Рубцову. Газета «Труд». 1988 г.)

— Валентин Саввич, вы приближаетесь к тому возрасту, когда писатели имеют право на получение пенсии. Как вы к этому относитесь?

— А где и когда сказано, что литературный труд ограничен пределом, как труд шахтера или же лесоруба? Писатель может иметь молодость, но кто давал ему право, на писательскую старость? Самое лучшее и честное для писателя — умереть за рабочим столом, а пенсию пусть получает его семья. Наши писатели чересчур избалованы различными льготами: командировками, домами творчества, всяческими побрякками. Может, по этой причине они и пишут так мало? В среде литераторов появилась даже опасная тенденция: писать поменьше, а болтать побольше. За что же им пенсию выплачивать? За то, что всю жизнь болтали? Нет уж, пусть трудятся до гробовой доски, как это делали русские писатели былого времени... Что же касается лично меня, то я пенсионером быть не желаю!

— Что вас, как гражданина, сейчас волнует больше всего в недостатках нашего общества?

— Революция уничтожила дворянство как сословие, но теперь образовалось новое сословие, которое лучше всего называть паразитическим. У нас появились целые династии бездельников — бюрократов, живущих за счет народа. Папа с мамой всю жизнь начальствовали, сидя в отдельных кабинетах, их дети и внуки поверили в свою генетическую исключительность, и, глядя на своих родителей, они уже не мыслят жизни иначе, причисляя себя к некоей элите общества. Такие лоботрясы смолоду ищут, где бы полегче, где бы понаваристей, где бы им побольше получать и поменьше делать. Мне знакомый москвич недавно рассказывал, что в одном «элитном» доме лишь один юноша пошел служить в армию. А все другие остались дома, ибо чересчур важные папа с мамой добыли им разные липовые справки, дабы их благородные отпрыски избежали воинской повинности... Ну разве это не паразиты? Второе и третье поколения махровых чиновников уже не ведают, что такое честь, что такое гражданская доблесть и ответственность перед обществом.

— Валентин Саввич, в чем вы сами, как человек, как писатель, испытываете сейчас крайнюю необходимость?

— Чаще всего можно слышать жалобы на нехватку денег, продуктов или путевок в санаторий на летний период. Но я

испытываю давний и очень острый дефицит времени. Если бы время, как товар, продавалось в магазинах, я бы не пожалел никаких денег, лишь бы иметь достаточный запас времени для работы. У нас принято много рассуждать о заполнении досуга молодежи, о правильном использовании так называемого «свободного времени». Простите, что же это за поколение, которое неспособно устроить свой досуг, и просит научить их правильно веселиться? И, наконец, откуда берутся люди, обладающие «свободным временем»? Мне все это кажется дикой нелепостью.

— *Однако социологи не отрицают же необходимости в жизни каждого человека именно «свободного времени».*

— Наши социологи много говорят дельного, но иногда мы слышим от них и немало глупостей. Так, например, они вывели положение, будто искусством могут заниматься все, у кого есть избыток свободного времени. Увы, тунеядцев у нас развелось достаточно, но что-то не видать плодов их творчества. Социологи не понимают простой истины: искусство порождается не потому, что завелось свободное время; напротив, у тех, кто посвятил себя служению искусствам, времени никогда не будет, ибо вся жизнь художника заполнена трудом без остатка.

— *Валентин Саввич, а как ваше настроение?*

— На подобные вопросы в царском флоте было принято отвечать: «Ничего. Спасибо. Паршиво». Я вижу, что колеса крутятся, а скорость не повышается, речи произносятся, а масло не дешевеет, книг в продаже все больше, а читать нечего. Заранее уверен, что мои ответы не всем придутся по вкусу. Но со мною всегда так было, так и будет: кому-то я нравлюсь, а другие произносят мое имя с зубовным скрежетом.

— *Как вы думаете — почему так ?*

— А вы почитайте книгу Уистлера «Изящное искусство наживать себе врагов». В ней четко сказано: будь самим собой, не изменяй своим принципам, никогда не притворяйся, не подхалимствуй перед властью имущими, оставайся честным, говори только то, что думаешь, — и враги появятся даже там, где ты их никак не ожидаешь, а критики станут бросаться из-под каждой подворотни, чтобы порвать на тебе последние штаны.

— *Вы, я вижу, плохо относитесь к критике ?*

— Вообще не понимаю, как из эмоций личного недовольства можно делать высокооплачиваемую профессию? У нас в стране критиков — легион, и все они возникли из пустоты, ибо, сами не умея ничего делать, они кормятся за счет осуждения тех людей, которые делают. В критике у нас многое решает даже не частное мнение самого критика, а вопрос «групповщины». Я как раз

прочитываю книгу Сергея Плеханова о писателе Писемском, и вот что было сказано Писемским еще сто лет назад: «Всюду только и читаешь или голословную брань, когда вы не из наших, или пристрастную похвалу, если вы наш; а между тем роман, видимо, все более становится... ближайшим помощником истории. Наши же полоумные критики наперерыв кричат романистам: „Не смейте говорить правды, а лгите и лгите, чтобы не повредить нашим высокоизбранным направлениям!“ К сожалению, эти слова Писемского можно применить и к нашему времени. Писатели зачастую думают не о том, чтобы угодить читателю, а желают лишь угодить критикам, чтобы их не ругали.

— А как вы относитесь к своей профессии?

— Это каторга! День за днем, без воскресений, без отдыха, без праздников, словно проклятый, пишешь роман за романом, словно катаешь тачку за тачкой, и амнистии не предвидится.

— Ну а зачем вам такая жизнь?

— Сам не знаю. Наверное, по русской пословице: взялся за гуж, не говори, что не дюж. А потом, не скрою, я ведь слишком честолюбив: для меня труд — это дело чести. Очевидно, само название вашей газеты тоже обязывает меня затронуть именно тему труда... Так ведь?

— Допустим, что так. Желательно.

— Тогда я начну с лени-матушки. Кто она такая и как с нею бороться? Один не желает работать, так его и палкою не заставишь, другой тоже не хочет, а — работает. В чем тут секрет — сам не пойму. Наверное, в совести. Вы не думайте, что писать романы — это большое удовольствие. Совсем нет! Но иногда я задаюсь одним каверзным вопросом: почему дворяне-писатели, имевшие усадьбы и крепостных, оставили после себя двадцать-тридцать томов сочинений, а мы, дети крестьян и пролетариев, побочных доходов не имеющие, едва-едва сколотим на старости лет пять жалких томиков?

— А вот у вас сколько томов наберется?

— Более двадцати наверняка будет. Но я считаю, что сделал мало, хотя жена и называет меня трудоголиком. Между тем я заставляю себя работать. Даже когда не хочется.

— А как же дело с творческим вдохновением?

— Я его знать не знаю, ведать не ведаю. И ненавижу бытующее у нас затасканное выражение: «вдохновенный творческий труд миллионов». Помилуйте, я вот писатель, а вдохновение мне и не снилось. Какое уж тут вдохновение, если я, даже больной, силою воли принуждаю себя работать? Где уж тут говорить о вдохновении миллионов? Да и нужно ли оно, чтобы копать картошку на огороде или укладывать шпалы? Беда в том,

что у нас с детства внушают вредные мысли о радости вдохновенного труда. А надо бы говорить детям иначе: если хочешь иметь в жизни честный кусок хлеба с маслом, так будь любезен — готовь себя к тяжкому, порой неприятному труду. Это необходимо!

— *Значит, любой труд вы считаете святой обязанностью?*

— Только так, и не иначе. Пора отказаться от шаблонной фразы: «все дороги открыты перед советским человеком». Да в том-то и дело, что не все. Мало ли у нас людей, идущих по утрам на работу с перекошенной рожей, словно они получили повестку явиться к судебному следователю? Идет такой человек в контору, ненавидя контору, тащится на завод, ненавидя этот завод. Вот если бы все любили свое дело! Как прекрасна была бы наша жизнь... Главное — найти верную тропу. А у нас как бывает? Учился человек на инженера или хирурга, а потом оказывается — паршивый инженер, бездарный хирург. Почему у нас все кинулись добывать дипломы? Почему у нас забыли такое дивное слово, как «ремесло»? В самом деле, уж лучше быть хорошим каменщиком, нежели плохим актером, лучше быть отличным скорняком, нежели дурным архитектором. Найти самого себя, отворить двери в свое дело — вот сущее благо для человека!

— *А почему вы избрали себе литературный путь?*

— Просто мне в юности попала одна бездарная книга, и я решил, что способен писать лучше. К тому же мне деваться было некуда, все дороги в будущее для меня были перекрыты бюрократическими шлагбаумами.

— *Объясните, каким образом?*

— У меня пять классов образования и... война! Хотел после войны стать машинистом паровоза — не берут на курсы, ибо требуется восемь классов школы. Хотел прыгать с парашютом — тоже не берут, сначала покажи аттестат зрелости. Черт побери, да с пятью-то классами я был согласен прыгать даже без парашюта! Хотел стать чтецом-декламатором — тоже никому не нужен. Вот так и везде: в какую дверь ни постучусь — всюду не хотят видеть меня, а хотят видеть бумажку. Тогда я обозлился и стал писать романы, но в Союз советских писателей принимают всех, а бумажка нужна лишь одна — твоя книга!

— *Какой же труд, по-вашему, самый непривлекательный?*

— Затруднюсь ответить... По-моему, самой неблагоприятной работой является как раз литературная. Бывает, всю душу вложишь в книгу, измучит она тебя, как изощренный палач свою беззащитную жертву, но с высот чиновного Олимпа слышится начальственный окрик: «Пикуля печатать не следует... Советскому читателю это не нужно!» Моих седых волос не

заметить на голове только потому, что жена болванит меня наголо, словно я новобранец.

— *А почему вы стрижетесь наголо?*

— Чтобы не тратить время на сидение в парикмахерских. Десять-пятнадцать минут это ведь одна страница текста прозы. Так стоит ли швыряться страницами в очередях?

— *Валентин Саввич, что вы уважаете в человеке больше всего?*

— Трудоспособность и прилежание в работе.

— *Значит, вы хорошо относитесь к трудовому народу?*

— Как раз очень плохо! У меня в доме три телевизора, и ни один не работает — все испортились сразу после приобретения. А ремонтировать их — мука-мучная. Недавно в печати промелькнуло сообщение, что на одном из заводов еще работают на станке выпуска 1860-х годов, то есть времен императора Александра II: вот пример того, как умели делать вещи русские рабочие в старое время. У меня в молодости был большой друг, Леонид Иванович Родионов, заменивший мне родного отца. Это был потомственный питерский пролетарий. Именно от него я перенял навык к постоянному и добросовестному труду. Он был мастер-оптик высокого класса. Помню, когда на ленинградском заводе ГОМЗ налаживали цейссовскую аппаратуру, возникли трудности в ее пуске, все сроки «рекордов» срывались. Из Москвы наехали всякие «варяги» с угрозами, время было жестокое, сталинское, могли и за решетку упрятать. Но Леонид Иванович сказал: «Я не умею делать плохо, а могу делать только хорошо, потому катитесь подальше со своими рекордами: когда сделаю хорошо, тогда и сдам работу...» Такая вот честность рабочего человека мне тогда очень понравилась, и я даже не удивился, когда недавно узнал, что в современной Японии рабочий не стыдится остановить весь конвейер, если чувствует, что ускорение может принести брак в его работе. Потому я не признаю всех этих «знаков качества», которые у нас раздавали всем направо и налево, не понимаю и барабанного боя при вручении красных переходящих знамен... Кстати, вспомнил: Леонид Иванович имел еще до войны орден «Знак Почета», но никогда не носил его, считая, что нельзя награждать человека только за то, что он хорошо работал. Ведь это его прямая обязанность, а за исполнение обязанности не награждают, как не награждаем же мы женщину за то, что она дает грудь своему младенцу.

— *Вы судите о рабочих очень строго.*

— Строго, да. А как иначе? Сколько у нас было песен пропето о «простом советском человеке»? Уж такой он хороший, такой

умный, такой принципиальный; что ему не скажут с трибуны — за все голосует двумя руками; чужой кошелек найдет на улице — сразу бежит в милицию, чтобы найти потерявшего; уж так любит смотреть футбол и любоваться балетом. А теперь выясняется, что этот «простак» половину дня не пожалеет, чтобы выстоять очередь за водкой, с мясного комбината он готов целого барана на себе вынести, в цеху самогонные аппараты налаживает, — вот вам и «простота»! А нельзя ли нашему человеку посложнее быть? Чтобы он больше задумывался о своем значении в жизни всего государства. Тогда бы и жизнь была иная — намного лучше той, в которой живем мы сейчас.

— *Валентин Саввич, почему вы не пишете о современности?*

— А я не верю в то, что современность всегда актуальна для запросов читателя. Это, скорее, дело журналистики, а не литературы. «Большое видится на расстоянии». Вот сейчас (пожалуй, только сейчас) уже стало созреть время для написания сущей правды о минувшей войне. Отнюдь не подумайте, что я враг новейшей литературы. Но я всегда останусь врагом тех книг, в которых, кроме современных идей, больше ничего нет, одна лишь тягомотная жвачка, которую впору выплюнуть. При этом мне вспоминается случай из дней юности. Встречаю я своего приятеля, тоже пробовавшего силы в литературе. Бежит по лестнице с глазами на стебельках, весь в пламенном порыве. «Ты куда спешишь?» — спрашиваю. «Бегу. Некогда. Писать надо». — «А что случилось? Или вдохновение?» — спрашиваю. «Да, — отвечает он мне, — партия указала принять решительные меры по повышению урожая кормовой свеклы для скота. Вот что сейчас актуально! Бегу писать...» Наверное, он и сейчас пишет.

— *Валентин Саввич, наша беседа подходит к концу. В последнее, время в нашей печати не раз говорили о разграничении женского и мужского труда. Как вы относитесь к этому вопросу?*

— Женщина во все времена, подобно богине, самой природой была как бы возвышена на пьедестале, чтобы вызывать всеобщее восхищение ее красотой и нежностью. Женская эмансипация, за которую боролись еще русские нигилистки и били в Лондоне стекла английские суфражистки, ратовала за придание женщине политических прав. Казалось, после революции женщина эти права получила. Но, уравнив ее в политических правах с мужчиной, мы рассадили сильный пол за столы в канцеляриях, а на «освобожденную» богиню сразу же взвалили рельсу или шпалу. Наши художники и скульпторы во времена Сталина стыдливо упрятали красоту женского тела в складках драпировки, но при этом выделяли ее сильно развитую мускулатуру, присущую

молотобойцам. Так женщина была сброшена с пьедестала, низведенная до уровня чернорабочего. У нас очень любят хвастать тем, что в СССР женский труд оплачивается как и мужской. Чего же тут хвастать — если на женщину взвалили груз, едва посильный для здоровущего мужика? Почему, спрашивается, у нас неблагополучные семьи? Кто воспитывает детей? Школа? Она только учит. А будь женщина дома, следи она за своими детьми, так не было бы у нас хулиганов, проституток и наркоманов. Так, идея женского равноправия оборачивается для нас социальными невзгодами...

— *Валентин Саввич, в конце беседы что бы вы пожелали сам себе?*

— Чтобы мои книги издавались без редакторских искажений и без типографских ляпсусов — халтура окололитературных работников острой болью отзывается в сердце писателя и ставит его в неловкое положение перед читателем. Я готов отвечать за свои ошибки, но как мне отвечать за чужие глупости?

— *А что бы вы пожелали нашим читателям?*

— Желаю им беречь своих жен. У нас почему-то так принято, чтобы лучший кусок отдавали детям, потом мужу. Это неверно! Лучший кусок должен доставаться жене, а уж затем и детям. Что останется, пусть доедает мужчина. В наше трудное и сложное время уже не мужчина, а именно женщина — сердцевина всей семьи. Если мужчина забрлевает — это еще ничего, дом не пошатнется. Но когда заболевает жена, тогда весь дом рушится. Дети торчат в подворотнях, где ничему хорошему не научишься, а мужчина, не зная куда деть себя, тащится «до угла» за поллитром... Будем же беречь женщину, которая бережет всех нас!

ОБ ОТНОШЕНИИ К ЛОШАДЯМ

(Интервью журналу «Коневодство и конный спорт». 1989, № 1)

Какой исторический романист избежит общения с лошастью? Конечно, заглядывая в дебри прошлого, я не раз был вынужден обращаться к «кавалерийской теме». В моей библиотеке самая старая книга по иппологии — это «Конский лечебник», изданный в 1795 году с посвящением известному коневоду графу А. Г. Орлову-Чесменскому. А самая новая книга — это «Прощайте и здравствуйте, кони!» Бориса Алмазова.

Есть ли у меня свое отношение к лошадям? Я всегда был внимателен к животному миру. Мне страшно думать, что лошадей, традиционных и верных друзей человека, главных помощников в труде и бою, у нас иные горе-хозяйственники пускают «на колбасу», — это ведь позор! Тысячи лет потратила природа на то, чтобы сделать это дивное создание. Лошадь — друг и помощник человека — совсем не для того, чтобы восполнять в магазинах нехватку мяса.

Приходилось ли мне лично общаться с лошастью? В детстве. Когда я, еще мальчиком, жил в деревне Замостье на Псковщине, где была родина моей бабушки, крестьянки Василисы Минаевны Карениной. Помнится сцена, схожая с темой из тургеневского рассказа «Бежин луг», — тот же свет ночного костра, те же ночные страхи и всхрапывания пасущихся лошадей. Пожалуй, вот этой детской лирикой все и закончилось.

Как мне представляется будущее лошади в нашей стране? В первую очередь, лошади надобно вернуть ее прежний статус — уважение к ней. Она еще послужит нам не только для получения валюты от продажи за рубеж. Лошадь должна быть рядом с нами. Она всегда оплатит нам ответной любовью. Я вообще не понимаю, зачем, спрашивается, гонять из деревни в район за почтой трактор или грузовик, если это экономичнее сделать на лошади?

Правда, героям моих произведений привычнее седлать лошадей. Впервые с «конской» темой я соприкоснулся при написании миниатюры о графе Орлове-Чесменском, где описал его старания в развитии теории коневодства и в практике знаменитого Хреновского завода. Затем пришлось писать о славных кавалеристах — Кульневе и Костенецком; наконец, в романе «Фаворит» и в других романах мои герои, можно сказать, не покидают седла... Сейчас у меня публикуется роман «Честь имею», в котором описываю подготовку офицера российского

генштаба, как ломались карьеры офицеров, не умевших владеть лошастью, и, наконец, описываю забытую в наши дни парфорсную охоту на лошадях — самый рискованный вид охоты, когда всадник, не разбирая дороги, обязан следовать за гончей собакой, которая преследует уходящего от погони зверя.

В моем кабинете вы можете увидеть репродукцию с картины Н. С. Самокиша «Аппель»: эта сцена изображает конечный момент атаки при Аустерлице, когда трубачи призывают тех кавалергардов, которые остались живы. Именно кавалергарды тогда спасли честь русской гвардии! Впрочем, об этом писал Лев Толстой в романе «Война и мир», и читателям, наверное, помнится этот славный эпизод из истории нашей кавалерии. Кстати, об этой атаке при Аустерлице писал и я в своем романе «Каждому свое».

Что бы я хотел пожелать читателям журнала? ЛЮБВИ! Любви ко всему живому, и в первую очередь к лошадям. Своих верных друзей нельзя обижать.

Ночная вахта — время с 00 до 04 часов.

Самые трудные часы. Склянки пробьют в полночь — день.

В четыре часа пробьют — день-день: день, день, день, день.

По-морскому ночная вахта называется «собакой».

Так и говорят: «Мне сегодня стоять „собаку“».

Штатские вряд ли понимают всю прелесть этой речи...

Но именно в часы «собаки» мною написано и сделано все то, что я написал и сделал. Именно потому я называю свою биографию ночной вахтой — «собакой».

Как говорил замечательный писатель И. Г. Прыжов, «вся моя жизнь была собачьей...» С этого он начал.

Гирокомпасы... Я знаю, что шулера срезали себе бритвой кожный эпителий на кончиках пальцев, чтобы лучше осязать незаметные для глаза «накрупы» и «надрезы», дающие им верный выигрыш. Почему у нас так много говорят о профессионализме? Позволю себе заметить, что я во время войны был вроде того же шулера. Я настолько изучил нервную систему своих пальцев, что наугад, на ощупь определял температуру воды, поступающей в гироскопическую систему, до десятых долей градуса. Я всегда мог на ощупь определить:

— Тридцать шесть и семь десятых... А вот сейчас — тридцать восемь и пять десятых. Значит, надо прибавить охлаждение воды!

Во мне погиб великий клоун. С детства я не боялся смеха толпы, наоборот, я этот издевательский смех нарочно вызывал. Старшина говорил: «Ну, юнга! Ты далеко пойдешь...»

До сих пор неизвестно, когда признаваться в любви? Или тогда, когда тебе уже стало невтерпеж, или лучше выждать, когда женщина ангельским голоском сама спросит вас: «Любите ли вы меня?»

В юности я взялся за изучение финского языка. Почему именно финского? Очевидно, из желания не быть похожим на всех. Но я уже тогда любил Финляндию, ее историю и финский народ, сумевший отбить натиск армии Сталина и Молотова... Говорить по-фински я не стал, но знатоки говорили, что у меня хорошее произношение.

Я не стал библиоманом. Для меня ценность книги не в том, что она является уникалом, — иногда ведь даже копеечная брошюра становится драгоценностью, если она необходима для работы.

Газета самый лютый враг книги. Книгопродавец в своей лавке, заметив, что ученик читает книгу, говорит:

— Ах, ты читаешь? Значит, ты мне не нужен.

— Почему?

— Потому, что читающий человек никогда не сможет стать книготорговцем.

Никогда не заводил экслибрисов, хотя некоторые художники даже без моей просьбы снабжали меня экслибрисами. Но как подумаешь, что надо ползать с кисточкой и тратить время на расклейку, так лучше и не надо... Кстати, самый смешной экслибрис был, кажется, у знаменитого Власия Дорошевича.

Люблю книги по истории искусств, биографии художников, писателей, артистов... Но терпеть не могу искусствоведов, которые, оторвавшись от самого художника, пытаются внушить мне, какие идеи вложены в картину. Да почему ты знаешь? Может, в тот день мастер разлаялся с соседом, или не было у него денег, чтобы купить хлеба, — вот отсюда и пессимизм его полотна, а мне внушают какие-то эфемерные намеки на гнет властей и преследование жандармов.

Между тем все художники и писатели в учебниках для наших детей однообразны, как колодки сапожника: все они служат идеалам добра, все борются с самодержавием, все одинаково мечтают о его свержении...

Война закончилась! Как тогда было светло...

Светло и страшно. Потому что пора было приниматься за дело. Я бы, наверное, погиб на перекрестках жизни, если бы не спасли меня две исторические науки, которым я отдался почти бессознательно, как девушка первому красивому мужчине, — иконографии и генеалогии.

У меня образование — выше самого высшего! Иначе говоря, я — самоучка.

В мире много еще дураков, которые заботятся о красоте своего почерка. Мещанский мир любит украшать себя барочными завитушками или заменять подпись своей фамилии сногшибательным факсимиле, похожим на древнеегипетскую клинопись. Если тебе Бог дал фамилию, так, будь любезен, подписывай ее под документом так, чтобы все прочесть ее могли. Не делай из себя загадки века! Все равно ты дурак, и все мы о том знаем...

Инфаркт! Я бы, наверное, не сразу поправился, если бы жена не принесла в палату немецкий «Симплициссимус» — я так хохотал, мне стало так хорошо от немецкого юмора, что я сразу пошел на поправку. Но в жизни у меня так уже бывало, что я лечился книгами. В пору душевного разброда или безмерной тоски стоит мне раскрыть «Автобиографию» Бронислава Нушича, как все дурное, что мучило и угнетало меня, куда-то мигом

исчезает; снова становлюсь бодр и деятелен, а все дурное видится в смешливом виде.

Нам не до юмористов — нам нужны сатирики! Ибо юморист посмеивается над каким-либо обыденным частным явлением — и только. Зато сатирик поднимается выше всех и с высоты хохочет, издевается над целой эпохой... Что тут долго рассказывать? Сравним лучше известное: юмористов Лейкина и Аверченко со— знаменитой, могучей сатирой Салтыкова-Щедрина...

Теперь понятно, что юмор и сатира — не родные брат и сестра, а лишь сводные, рожденные от разных женщин одним отцом.

Для одних сатира — лекарство, для других — рвотное!

Карьеру, как правило, делают не те люди, которые имеют свои, самостоятельные мысли. Карьеру, как правило, делают люди, своих мыслей не имеющие, а лишь повторяющие мысли своих начальников.

Отбор лучших людей из массы народа — уже есть повод для аристократизации избранных.

Культура народа определяется состоянием старинных кладбищ. Наши туристы, попав в европейские города, удивляются, почему их зачастую везут автобусом прямо на кладбище и показывают могилы. А между тем это верно: кладбище — такой же памятник культуры, каковыми являются наши музеи, храмы или примечательные строения.

Люди, поганяющие могилы предков, забывают о том, что от смерти никто не уйдет. Как говорится, «все там будем», и хулигану, рисующему похабшину на памятнике, стоит прежде подумать, что его, сукина сына, впереди тоже ожидает могила. Пусть не памятный обелиск из мрамора, но все-таки могила...

Как помотришь вокруг, так душа переполняется счастьем от сознания того, что ты простой советский человек! В самом деле, куда ни поглядишь: все принадлежит народу, и народ, безмерно счастливый, сам управляет своим государством, — вот оно, главное завоевание нашей пролетарской революции! Скажите, ну где еще, в какой капиталистической трущобе, народ мог бы так активно вмешиваться в управление страной, как вмешивается наш простой советский человек... Если он, скажем, работает на колбасной фабрике, так он смело выносит колбасу для пропитания голодной семьи. Если он работает у станка, так он без страха выносит с завода любые детали, чтобы продать их на базаре для своего благоустройства. Вот уж верно поется в известной песне: «И все вокруг мое...» В раю капиталистического мира могут только мечтать о той «счастливой жизни», какой живут наши активные и целеустремленные люди, у которых одна

великая цель — построение коммунизма.

Интернациональные взгляды — это очень удобная маскировка для всяческих проходимцев и ротозеев. В самом деле, если ты будешь говорить о своем патриотизме, о своей любви к русскому народу, тебя тут же сделают черносотенцем или, в лучшем случае, националистом.

Когда возводятся баррикады, то всегда возникают две правды — по одну и по другую сторону. Не понимать этого могут только идиоты!

Вот такой исключительный случай произошел со мной. Пришло письмо от человека, который писал, что родителей лишился еще в детстве, воспитывался в казенном детдоме, ничего о предках не знает, но память сохранила фамилию — де Парма! Не могли бы вы ответить — кто я такой? Я начал ответное письмо ему таким обращением: «ВАША СВЕТЛОСТЬ, почтенный герцог...» Да, была на Руси такая дворянская фамилия герцогов — де Парма, которые владели имением, кажется, в Черниговской губернии. Смотри: энциклопедия — Герцогство Парма в Италии...

Дело прошлое, и не всем я рассказывал, что однажды мне поручили пасти волков. Ну, скажу я вам, вот это было дело! Хотя и платили по первому разряду, но мне тогда казалось, что лучше жить на литературные гонорары, от которых, как известно, все писатели ноги протягивают. Но вернусь к волкам!

Самое главное для пастуха — установить душевный контакт с пасомыми. Но вот беда — не было у меня контакта, хоть плачь, и чаще обычного я вспоминал народную мудрость: «Как волка ни корми, он все равно в лес смотрит...»

Никогда не понимал людей, говорящих: «Ну, всё! Теперь я буду отдыхать» — и уезжающих куда-нибудь из города. У меня всегда вопрос к таким персонам: если ты собрался отдыхать, то что собираешься делать во время отдыха? Ибо человек «просто отдыхающий» — это ненормальность в моем представлении. Я могу лечь спать, могу читать, могу думать, но отдыхать — никогда! Как не терплю людей с большими оттопыренными ушами или губошлепов с мокрыми губами, так же ненавижу и отдыхающих!

Чем больше я живу на свете, тем больше убеждаюсь в том, что те дни, которые я не считал праздничными когда-то, на самом деле есть дни самые счастливые в моей жизни. И чем дольше длится моя жизнь, тем больше счастья я вижу в тех неярких, по сути, днях, которые вдруг разукрашены воспоминаниями...

Весь ужас оттого, что мы забыли о золотой середине. Как только начинают делить все на черное и белое, так начинается трагедия народа. Между тем надо учитывать, что мир окрашен

полутонами — между святостью и злодейством живет нетленная «середина». Нельзя, чтобы люди верили только в рай, только в ад — помимо них существует и просто жизнь. Так не будем соблазнять его светлым будущим, как не будем устрашать его и муками сатанинского ада...

Многие видят мир только черно-белым, разделяя людей на две категории: «наши» и «не наши». То же было и в искусстве, писатели ставили перед собой два ведра — с черной и белой краской, ими они и мазали своих героев. Между тем людей только положительных или только отрицательных в природе не существует. Описывая отрицательного типа, прежде найди в нем то, что положительно, — без этого образ тускнеет, становится мертвым.

В нынешнем Волгограде, бывшем Сталинграде (и бывшем Царицыне — по реке Царице), экскурсоводы говорят туристам, что их город славен не только знаменитой битвой, но и тем, что в нем больше всего поставлено памятников Ленину: можете пересчитать — их ровно ТРИДЦАТЬ.

Кого нельзя заесть (загрызть), того стараются запойть.

Коллектив — это страшное чудовище: он нивелирует индивидуальные начала, он тормозит любое проявление самостоятельности. Каждый уважающий себя человек должен вырваться из объятий этого ужасного спрута, высасывающего из человека его личное.

Люди, идущие в ногу с коллективом, лишь равнодуш но плывут по течению, и они всегда беспомощны, рабски ему подчинены. Эти инертные люди в потенции своей всегда таят угрозу для общества.

Великое счастье — видеть мир не таким, каким его видят все.

— Скажите, почему у вас на лацкане пиджака — верблюд?

— Видите ли, каждого человека определяет сравнение с каким-либо животным. Об одном человеке, неповоротливом, говорят: медведь. О хитрой женщине — лиса! О другом, трусливом, — заяц. О хищном — волк. А обо мне говорят, что я — верблюд.

Пусть читатель не думает, что я гонюсь за деньгами — я работал ради денег лишь в молодости, когда каждый рубль значил для меня очень много, как билет на трамвай для нищего. Сейчас я не думаю о них. Тем более что нет у меня ни дач, ни автомашин, ни шикарных поклонниц — я всегда не знаю, куда выехать за город, пользуюсь только такси и представляю собой старинный образец верного мужа, никогда не давая жене повода для ревности.

Все мои гонорары улетают на приобретение книг, и тут я

становлюсь транжиром и мотом, не отказывая себе ни в каких затратах, ибо книга — это не мебель (дрова), это не одежда (тряпки), это не ресторан (если человек может обедать дома). Жена, войдя в мой дом, сначала удивлялась, а потом привыкла называть вещи своими именами: дрова, тряпки.

— Что главное в общении между людьми?

— Выполнять обещания. Конечно, этому надо учиться у американцев: сказано — исполнено. У нас же наобещают тебе целую бочку арестантов и ничего не сделают. Вот эти пустые колебания .атмосферы голосовыми связками дорого обходятся всем нам. Всем нам и всей нашей стране.

Не могу понять принципов и вывертов социалистического соревнования! Спрашивается, кому это нужно? Зачем все бьют себя кулаками в грудь, клятвенно заверяя в перевыполнении нормы рабочего дня?

Пусть соревнуются наши спортсмены, а рабочий человек самой природой своего бытия обязан трудиться хорошо, а не брать высотные планки. Труд — это не стадион, чтобы тешить свое самолюбие лавровыми венками и золотыми медалями. Что толку в рекордах? Сейчас нужно, чтобы каждый честно и добротнo выполнял свою норму, и этого станет достаточно, чтобы все стало нормальным. А соцсоревнования придумали дураки, и дураки их повторяют...

Из всех «точных» наук, где никак нельзя ошибаться, я освоил лишь одну — генеалогию, в которой ошибки недопустимы так же, как в высшей математике.

Многолетняя работа в литературе приучила меня иметь перед собой портрет той личности, которая сейчас больше всего тревожит мое воображение. Так случилось, что эту часть своей панорамы я складывал, иногда посматривая на плененного генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса.

Он стоит в полный рост — между Вильгельмом Пиком и Вальтером Зейдлицем. Паулюс как-то смущенно улыбается, а низенький Зейдлиц откровенно хохочет, глядя на высокого Паулюса. Оба генерала в мундирах гитлеровского вермахта, с орденами они еще не расстались. Колочей проволоки нигде не видно, и не догадаться, что это лагерь. Напротив, создается такое ощущение, будто три человека, столь разные и несовместимые, в воскресный денек выехали на дачу...

По моему убеждению, талант нужен во всем, и прежде всего — талант жизни. Можно сочинить бездарную книгу — это еще простительно, но прожить бездарную жизнь — это уже преступление. Между тем мы наперечет знаем бездарных авторов, актеров или художников, но совсем не обращаем внимания на то,

что нас окружают бездарности, не могущие склеить даже подобие своей полезной жизни.

Дураки говорят, что талант — это труд, упорный, страшный, все преодолевающий... Какая чушь! Эвон, Ажаев накатал под тысячу страниц книжицу. Труда много... Ну-ка попробуй написать тысячу страниц! А... талант-то где?

Нет, милостивые государи, труд сам по себе. А талант — сам по себе. Иногда — даже без труда!

Труд это пот, тяжкий, соленый, противный.

А талант — песня, возвышенная и легкая.

Все читатели, вдыхающие кислород и выдыхающие углекислый газ, пришли к такому выводу, что без истории нет свободного дыхания личности.

Какое бы ни было богатое государство, оно никогда не догадается построить «Ласточкино гнездо» на крымской скале или создать Зимний дворец, Камеронову галерею, — такие чудеса способны производить только богатые люди, а государство нуждается в «коробках», в сотах почти пчелиных, по ячейкам которых можно рассадить своих жителей.

Непростительная советизация истории. Так, например, пишут: «Некий ученый родился в 1867 году в г. Ленинграде», хотя никакого Ленинграда тогда и в помине не было. Или так: «В 1906 году Терлецкий окончил Высшее военно-морское училище» (не хватает только того, чтобы назвать его именем Фрунзе). А между тем в 1906 году мог существовать только Морской кадетский корпус его Величества. Наконец, на учебниках пишут: «История СССР», хотя в книге идет речь о временах Батыя или Ваньки Грозного... Все это производит неприятное впечатление! Почему не называть вещи своими именами, и почему мы должны стыдиться гордого имени «Россия»?

Чернышевский для нас уже не может быть символом счастливого будущего, он останется для всех нас лишь символом счастливого прошлого.

Человек, сомневающийся в себе, чаще других поглядывает на свое отражение в зеркале, — так и государство, неуверенное в себе, отыскивает изъяны общества в том, что просит людей заполнять анкеты.

В ночной канун, подобно вора, которые собираются для грабежей, в моей голове начинают собираться образы того, что еще не написано, но предстоит написать, и написанное станет моей криминальной добычей.

Россия — страна проклятая: в ней прежде надо умереть человеку, чтобы его признали. Очень уж любят у нас покойников! Тихие они лежат в гробах, не скандалят, ничего не

просят...

Народ, который поет и пляшет, зла не имеет! Екатерина намного раньше Сталина основала в искусстве стиль «социалистического реализма»: при ней нельзя было критиковать отдельных персон или указывать конкретные недостатки, разрешалось лишь судить абстрактно о пороках общества, а если и наводить критику, так лучше всего на дворников, что сугробы с улиц не убирают...

В истории есть затвержденные истины. Восстания на броненосце «Потемкин» и на Ленских золотых приисках произошли потому, что в котлах для пищи нашли сваренные половые члены быков, а знаменитая стачка рижских рабочих в Латвии возникла по той причине, что капиталисты закармливали рабочих одной лишь дешевой лососиной!

Очень любят у нас посмертно реабилитировать и посмертно восстанавливать справедливость. Пастернака выгнали с позором из ССП, а потом снова приняли. Похоже, что человек у нас — вроде пуговицы: сначала оторвали от пиджака, а потом пришили на то же место, только нитки были другого цвета.

Коммунистическое учение — это кризис гуманизма.

Если живописцы не боялись срывать покровы с женщин, обнажая их наготу, то Макиавелли не устрасился обнажать самые непристойные и самые порочные тайны политики и власти.

Историю много лет подменяли политической пропагандой.

Истории будто бы и не было!.. Остались от древности былины да сказки, от времен Петра I — анекдоты и слухи, а истории как таковой не было, — власть всегда боялась говорить о прошлом, архивы таились за семью замками, будто в кладовых Кошечья Бессмертного.

Начальство уважает свои монологи, но оно не терпит чужих диалогов.

Когда не стало в народе молитв, их быстренько заменили лозунгами, зовущими к победе. А когда в огонь бросали иконы пращуров, тогда — вместо икон — вешали портреты вождей мудрейших, гениальных и достаточно грамотных, во всяком случае, знающих, когда «НЕ» пишется отдельно...

История переменчива: одно поколение считает, что вопрос сдан в архив, но вырастает новое поколение, и старая тема предстает для него в ином свете, возникают иные суждения.

Перед деспотизмом не все равны, а все одинаково бесправны, история человечества в основном — это история бесправия.

Прочитав одну книгу, считаешь себя мудрецом, десять книг — ты ученый, а когда постигнешь целую библиотеку, то — невежда. И это понятно: шире круг вопросов, на которые в книгах

нет ответов.

Разведчик, даже напичканный «секретами», ничего не значит до тех пор, пока информация остается при нем. Но он значит очень много, если он сумеет передать информацию.

А сейчас мне хотелось бы поговорить о современной литературной эпохе. Именно эпохе, ведь 70 лет — это довольно большой промежуток времени.

Сначала немного истории:

Если время царствования Елизаветы Петровны можно смело назвать эпохой Ломоносова, а время Екатерины II — временем Державина, то во времена царствования Николая I жил и творил великий Пушкин, который, наверное, никогда не думал, что жил в николаевской эпохе, как не подозревал и сам император, что имеет честь принадлежать эпохе Пушкина.

Сейчас мы часто говорим об эпохе Сталина, но здесь есть одно «но»...

Кого она дала?

Можно ли назвать ее «шолоховской», «пастернаковской» или, чего доброго, «фадеевской»?

Я бы — не решился!

Эпоха Сталина не дала ни одного, соизмеримого с вышеназванными, великого таланта.

А в результате — это страшное время так и останется для нас, да и для потомков, только «эпохой Сталина», который стихов не писал, музыки не сочинял, а только казнил, убивал, тиранил и мучал...

Вот финиш, к которому пришли мы на путях строительства социализма и коммунизма, столь дорогих сердцам убежденных фанатиков.

А какой великий гений представляет брежневско-горбачевскую эпоху?

Вот то-то и оно!!!

Писать надо — как пишут предсмертное завещание: честно, открыто, без похвал себе и другим.

Литература — это общественный нужник. Каждый, кому нужно и когда нужно, — в литературу, как до нужника, бегают.

Чем больше писатель оригинален и непохож на других, тем больше его бьют писатели, один на другого похожие, неоригинальные, ни уму ни сердцу не нужные.

Если найдется такой писатель, который скажет, что он научился писать, то ему надо сразу же бросить литературу. Ибо он — уже не писатель! А писатель только тот, кто не умеет писать и потому всегда учится писать... Все настоящие писатели умирают учениками и уносят в могилу ту книгу, которая должна

бы потрасти мир.

Посредственных писателей критика нарочно превозносит до небес, чтобы этой несправедливостью унижить писателей талантливых.

Бездарности обладают удивительным чутьем на талант в другом человеке, ибо ими руководит примитивная зависть, и потому именно они, бездарности, сразу же начинают свою расправу над талантом, подвергая его общественному глумлению. По мнению бездарей, парить имеют право только они, а таланты обязаны ползать, униженные. А чтобы унижение их всем было видно, на лбы талантов бездарности вешают красочные ярлыки об их непригодности.

Зависть никогда не складывает оружия.

Пожалуй, ни на кого из писателей не навешено столько ярлыков, как на меня. То — патриот, то — черносотенец, то — антисемит, то скрытый сионист, наконец, говорят, что я — монархист, а недавно в печати меня причислили к сталинистам. Они снесли яйцо, а я должен кудахтать. Думаю, в этом вопросе, кто я такой, будут разбираться после моей смерти. А пока что я, да еще моя жена знаем одну непреложную истину: я — попросту русский человек, которому волею судьбы дана страсть всепоглощающая к русской истории. Вот об этом я и пишу всю свою жизнь...

Если уж критик не может жить, чтобы не оплевывать таланты, так не будем мешать его инстинктам, без которых он ничто.

По мнению историка Н. Гернета, человек начинает получать воспитание за сто лет до своего рождения. Иначе говоря, в основу воспитания кладется прошлое его предков, летопись событий его родины и прочее...

Я человек глубоко партийный. Но моя партия состоит из одного человека... Это я сам!

О художественном воспитании...

Я вспоминаю свою молодость — сразу после войны. Если зайдешь в зал ожидания какой-либо захудалой станции, то там висят шишкинские «Медведи в сосновом лесу», если зайдешь в пивную, — там обязательно представлен засиженный мухами «Девятый вал» Айвазовского. По такому же принципу у нас иллюстрируются и ныне детские буквари и школьные хрестоматии. Но что всего обидней, так это то, что, раскрыв любой художественный альбом по русскому искусству, мы увидим все те же шаблоны: Брюллов — это «Последний день Помпеи», Репин — «Бурлаки на Волге», Серов — «Девочка с персиками», Максимов — «Всё в прошлом» и так далее... Отсюда вырабатывается равнодушие к искусству...

Есть расхожая фраза: писатель в своих книгах. По-моему, это — мура и глупость. Нигде писатель так не маскирует самого себя, как именно в своих книгах. Почитайте книгу, а потом поговорите с писателем: вы увидите, как не вяжутся книжные образы с тем, что говорил вам писатель... Заранее предупреждаю на случай моей смерти: я себя в своих романах не отразил, хотя в один из них даже вставил подлинный текст письма ко мне любящей женщины, которая потом меня бросила...

Не думайте, что писатель, сделавший роман о «положительном герое нашей действительности», сам тоже человек положительный. Скорее всего, он — самая последняя сволочь, а маскирует себя выдумкой в романе. И, наоборот, Зощенко, писавший всю жизнь о «сволочах, мерзавцах и мещанах», был как раз человеком мягким, добрым, застенчивым...

Тысячелетний ход истории России сознательно и нагло перечеркнут врагами России — ради отсчета времени с 1917 года, когда, по трафаретной фразе, началась «новая эра».

Оскорбительно для русского человека переименование старинных русских городов именами вождей, которые трудно совместить с былой исторической ценностью города: Тверь всегда останется Тверью, а причем здесь Калинин — неясно. Если раньше главные улицы городов, как правило, назывались Дворянскими, ибо их заселяли дворяне, то теперь они стали проспектами Ленина, хотя Ленин там и не жил.

Я никогда ни на чем не смею настаивать, я никогда не стану выносить решений, мои задачи, как литератора, всегда пусть останутся скромнейшими — я только рассказываю вам, а вы уж, пожалуйста, сами делайте выводы.

Отдельно существуют писатели, творящие литературу, и отдельно от них существует Союз писателей, нечто вроде бывшего корпуса жандармов, которые действуют по салтыково-щедринскому шаблону: «Таш-ши и не пушчай!» Конечно, эти людишки в сталинских френчах, десятками лет сидевшие наверху, держались не за литературу, а за свое место в президиуме, чтобы смотреть на всех сверху вниз, как барышня на сороконожку. Недаром же их называли «застрельщиками литературы», как будто литература — это полигон, где испытывают на прочность писательские шкуры.

По опыту знаю, что лучше собрать из материалов почти все, нежели все целиком, ибо нужна какая-то отдушина, если не для домысла, то, во всяком случае, для самостоятельных решений в сюжетном построении.

Уж если наши энциклопедии нацепят на кого-либо ярлык, так потом его не отодрать. Листаешь страницы справочников и диву

даешься: аферист, реакционер, буржуазный мыслитель, бездарный флотоводец, крепостник и прочее... Бывает, что роль человека уже выявлена в иных ипостасях, а энциклопедия по-прежнему клеит на людей ярлыки — один чернее другого.

Когда я делал образ Бисмарка в своем романе «Битва железных канцлеров», я предупредил читателя, что Бисмарк был реакционер, но честный, убежденный в правоте своего реакционного дела, и никто в редакции не осмелился мне возражать. Почему же не допустить, что Столыпин был подобной фигурой?

Не пойму, в чем дело? Если мне не нравится автор, я его не читаю. Но, не читая его, я тем самым теряю право хвалить или порицать его. А вы, господа, ненавидя меня, все-таки продолжаете читать все мои книги... Значит, тут есть что-то еще, помимо нелюбви!

Верно, что наши литературоведы умеют дуть во флейту, но дуть во флейту — это еще не значит уметь играть на ней.

...никогда ничего не переделывал. Каждая книга — это документ жизни писателя, а документы — по прошествии времени — нельзя переделывать, ибо это было бы уже фальсификацией жизни писателя.

Редактор так же необходим литературе, как и палач для больницы.

Я — один, я всегда одинок, я — писатель-одиночка, а клеветают на меня сотни и тысячи...

Сначала, когда пишешь, идет борьба за строчку. Потом, когда переписываешь, идет борьба со строкой...

Меня иногда ругают за то, что к любому выверенному событию я подхожу со своей точки зрения — авторской.

Меня обвиняют, что к событию, о котором уже давно имеется трафаретное мнение, я пытаюсь подойти с новых позиций, со своей точки зрения. Позвольте, а как же иначе? Плох как раз тот писатель, который пережевывает одряхлевшие истины...

Критики часто упрекают меня за то, что с царями, императрицами, королями и принцессами я обхожусь несколько фривольно, не сгибаясь перед ними в рабском поклоне. Для меня венценосцы — это просто люди, такие же; как мы с вами, читатель, только сам акт их рождения сделал их выше нас, выдвинув их наверх. А зачастую они ничуть не выше обычных людей, просто их выдвинул на поверхность могучий фактор Его Величество Случай.

Критики меня упрекают за то, что, мол, герои Вал. Пикуля, и крестьяне и аристократы, разговаривают одним и тем же языком. «А как же иначе?» возмущаюсь я.

Критики просто не знают русской истории и истории своего языка. Да будет известно им, что в XVIII веке — да! — аристократы были образованы в языках и часто употребляли французский язык. Но когда они переходили на язык природный, язык русского народа, то они — подчеркиваю это! — разговаривали тем же простонародным языком, какой слышали крестьяне, какой употребляли кучера и прочие люди...

Мало того! Пусть критики хотя бы полистают переписку аристократов XVIII века: она переполнена простонародными выражениями, в ней полным-полно тех слов, которые у нас никогда не пропустит цензура.

А я был... королем, уже несколько раз! Ведь когда пишешь о ком-либо, то поневоле приходится влезать в шкуру своего героя. Писатель — как актер: сегодня он прекраснодушный Гамлет, а завтра мрачный могильщик... Понимаю Льва Толстого, который хотел бы испытать то, что чувствует женщина, рожающая ребенка.

У меня врагов нет и не может быть. Мои враги — это враги не мои, а дела моего!

Я знаю секрет вечной молодости. Секрет очень прост: никогда не прекращайте учиться и останетесь молодыми...

В пустой голове больше мыслей может поместиться!

Глупость — тоже сила, и большая сила! Разве не бывало так, что глупость побеждала мудрость?

И день бывал, как целая жизнь, а вся жизнь как один день: проснулся, родившись, и снова уснул, померев.

Можно быть очень изворотливым человеком, но своей спины все равно не увидишь.

Пока мы живы, давайте о жизни и думать. О смерти же — не надо, она сама придет, как всегда нечаянная...

Мир не делается любовью — мир создается ненавистью. Только она, страстная и жгучая, способна творить не так, как придумано идиотами либерализма, а так, как это потребно ради порядка в людском хаосе.

Культура, когда она начинает подыхать в собственном гниении и маразме, получает новое мужское имя — прогресс!

На свете слишком много вина! Его чересчур много для церковных причастий, но зато его не хватает, чтобы вращать колеса водяных мельниц...

Много изобретений создано ради лентяев. Не хочется им идти пешком или трястись в телеге — вот тебе паровоз, а вот и самолет. Не хочет лентяй писать письма — вот тебе телефон, пожалуйста, будь любезен — поздравь начальника с хорошей погодой.

Высоко ценя народную мудрость, я все-таки осмеливаюсь не

согласиться с одним из запечных афоризмов: много будешь знать — скоро состаришься. На мой взгляд, все выглядит иначе: кто ничего не знает и знать не хочет, тот загнется скорее.

Чтобы проверить качества человека, мало брать у него денег взаймы или ходить с ним в разведку. Лучшая из проверок дать человеку власть, и вот тут он раскроется до конца.

Человек, не знающий истории, как трава без почвы, без корней. Отсутствие исторических знаний оставляет народ без умного руководства.

Любовь к истории Родины — это любовь к самой Родине!

Враги русской истории — это враги русского народа!

История — это всегда прошлое. Но в том-то и суть ее, что изучается она всегда в будущем.

Исторический романист — особый писатель! Он не может сам от себя сочинить XVIII век или придумать битву при Кунерсдорфе. Он обязан точно следовать источникам. По сути дела, его задача — пересказывать старое новым поколениям. Историк, не имея права фантазировать, напротив, не может обойтись без заимствований и вольно или невольно склоняется перед авторитетом чужого источника. Творческая сторона исторического романиста заключена лишь в умении одухотворить чужой и черствый материал, в умении читать его зрительно, писать на свой страх и риск. Миросозерцание автора при этом не играет никакой роли.

В мире не существует человека, жизнь которого была бы полностью документирована. Но если бы такой человек нашелся — грош цена его биографии, основанной на документах! Это так же безлико, как если бы вместо портрета вам представили рентгеновский снимок: вот ребра, вот легкие, здесь сердце... А человека нет.

Ибо документы могут засвидетельствовать брак, но пройдут мимо любви и ненависти, они отметят смерть, но ничего не скажут о том, как он страдал перед смертью...

Тынянов недаром писал, что он начинается там, где документ кончается. Это историк, не обнаружив документа, замолкает, а писатель продолжает говорить без документа.

Можно лишь поздравить нашего читателя, что отныне он ждет от исторического романа исторической правды, основательной опоры автора на исторические факты — на документ!

Читателя всегда подкупает «реальность» прошлого.

Мало сказать: «Чесменское сражение»; надо сказать, при каких обстоятельствах оно происходило, каковы были краски битвы, что окрасили воду заревом горящих кораблей, осыпали

картину битвы огнем и прахом этого сражения.

Историк красок не воссоздает, их способен воссоздать только художник.

Связь живописи и литературы. Понимание этого я нашел только в одном писателе — Юрии Бондареве, но с другими писателями беседовать на эти темы не приходится: они почему-то равнодушны к живописи, к тому, как краски влияют на слово.

Культура нации начинается с бережного отношения к могилам предков. Один взгляд на разоренное кладбище уже скажет, что здесь был ХАМ. А между тем всякая история начинается с могил. Храмы, обращенные в гаражи и картофелехранилища, кладбища, где сворочены кресты и разворованы надгробные плиты, — это явный признак падения нравов, бескультурия, преступности и злобного хамства.

Последнее время преобладает точка зрения на литературу как на собрание рецептов поведения в жизни. И если я пишу слово «педераст», редакция мне его вычеркивает, боясь, что читатель станет педерастом. Литература же попросту кастрирована. Ей, бедной, разрешают только целоваться и кричать «горько!». Писатель у нас, как трамвай: он ездит только по рельсам, по одному надоевшему маршруту. Но рельсы рано или поздно кончаются... Из розового наива читатель кидается в цинизм!

В 4-м и 5-м классах я учился по картам, где Германия была закрашена коричневым цветом, а захваченные ею страны — полукоричневым. Когда учительница показывала на Чехословакию, я должен был отвечать:

— Это область государственных интересов Германии!

Указка учительницы залезала в славянскую Польшу, и я отвечал:

— Это тоже область государственных интересов Германии.

— Садись, Пикуль! Ставлю пятерку... — В этом весь непередаваемый ужас.

Когда я попадаю в дом, где не вижу библиотеки, я испытываю странное беспокойство, почти угнетенное состояние духа, мне чего-то не хватает и хочется поскорее убраться ко всем чертям, чтобы снова видеть перед собой книжные легионы, выстроенные на полках ровными рядами, словно солдаты.

Прошлые народных трагедий, уходя в область истории, обычно забывает подтереть за собой кровавые следы.

Любой историк это прокурор тех преступлений, что совершены задолго до следствия.

Если всю жизнь возиться с дураками, то поневоле сделаешься умным человеком.

Глупости делают только умные люди. Дураки глупостей не делают — их поступки всегда правильны.

С утра пораньше я выпил целый стакан крепких чернил и даже пошатнулся. Выпитое я занюхал свежими типографскими гранками. Моя бедная Тося ударилась в слезы. «Опять?! — рыдала она. — Говорили мне умные люди: не сходишь ты с ним, с этим трудоголиком, он же тебя изведет и погубит...»

Целью написания настоящего романа является получение гонорара в сумме ста рублей с копейками...

Я пью из небольшого стакана, но это мой стакан и мое в нем вино...

Я совершенно лишен критического дара и потому никогда не осмеливаюсь критиковать других, считая критику проявлением большого нахальства. Не понимаю, как это можно — вдруг наводить тень на плетень. Если тебе не нравится что-то чужое, возьми да сам напиши лучше: вот тогда и сравним, кто из нас на что способен.

Для того чтобы иметь успех в социалистическом обществе, нельзя признаваться в том, что ты русский, а следует всюду говорить о себе, что ты человек советский, (есть такая дикая национальность, которую изобрели еще в 1917 году и с которой теперь не знают, что делать, ибо она сильно мешает развитию других национальностей). Бывшие русские люди, ошастливленные расцветом передовой советской эпохи, смело идут к коммунизму той светлой дорогой, которую указали им еще Маркс, Ленин и Ста... простите! Больше не буду.

В ту окаянную пору признать себя исконно русским могли только очень смелые люди, как это и сделал Исаак Израилевич Губельман, назвавшийся Емельяном Ярославским. Зато, смотрите, сколько ему выпало при жизни всяких почестей... Нам того даже и не снилось!

Необоснованный рост непродуктивного бюрократического аппарата, ничего не производящего, только поглощающего труд других, — такой рост вольно или невольно приводит к социальному распаду общества, и в этой трясной почве разложения нации рождаются те самые поганки, которые растут до высоты деревьев.

Главное в искусстве — ликвидация зависимости от какого бы то ни было авторитета.

Личность — это человек, основные черты миропонимания которого сдвинуты, эмоции гораздо ярче и все восприятия мира доведены до крайности. Остальные люди — толпа!

Писатели! — Чем больше наболтают, тем меньше напишут.

Я — самоучка, а посею сам избирал темы для изучения,

никто надо мной с палкой не стоял и, что самое главное, я не забивал голову всяческой ерундой, которая входит в обязательную программу обучения. По этой причине я сберег массу времени, изучая только то, что мне нужно для работы. Мало того, самоучка, я изучал что-либо с любовью, по своему хотению-велению, а не по школьной программе.

Согласен, что у меня немало пробелов. Я, например, совсем не знаю математики, и здесь любой школьник даст мне фору. Но, скажите честно, кому в жизни понадобилась математика в том объеме, в каком ее изучают в школах? Я лично дожил до 60 лет, и всю жизнь великолепно обходился лишь знанием таблицы умножения — большего мне и не понадобилось.

О пользе самообразования.

Обычно человек, получив аттестат зрелости или диплом в институте, считает, что с образованием покончено и можно дальше не учиться. Напротив, человек, решивший заняться самообразованием, учится всю жизнь, и каждый день преподносит ему новые уроки, постоянно он постигает что-то новое — и так до смерти!

В жизни так: кто упал, тот — наковальня, кто поднялся — молот.

Если не хочешь быть наковальней, становись молотом.

Самые умные дети рождаются от футболистов. Вся мудрость родителя, сосредоточенная у него в ногах, со временем кидается в голову потомства.

Когда все кричали, я стоял и молчал. Потом зависть взяла, дай, думаю, и я крикну. Только пасть разинул, тут мне по загривку — хлесть, и говорят: «Чего разинулся?» Я отвечаю, мол, все кричат, и мне захотелось. «Дурень, — объяснили мне, — тут кричат по списку, те самые, которые кричать от власти уполномочены, а тебя в списках орущих нетути, так что сиди и помалкивай».

Я смотрюсь в зеркало:

«Уже староват...»

Я смотрю на часы:

«Уже поздно...»

Вывод один: надо поторапливаться.

Когда мне говорят, что такой-то умер, я понимаю, что время движется.

Я люблю не себя в литературе, а литературу в себе.

Когда близится старость и впереди ничего не ждешь нового, тогда невольно обращаешься к тому, что стало давнишним.

Человек принадлежит обществу, но всегда ли его цели совпадают с целями общества?

Исторический романист — в основном! — изучает не столько общество, сколько деяния личности...

История и литература — это две сестры от одной матери. Честь и хвала историку, который умеет писать научные монографии так же захватывающе, как пишутся романы. Честь и хвала тому романисту, который умеет воссоздавать историческое полотно точно и правдиво, как в монографии. У нас были историки, восставшие против художественного подхода к истории. Были и такие историки, которые вставляли на защиту метода художественного воспроизведения истории...

Не надо травить человека. Затравленный, он не только способен хлопнуть дверью, но прежде еще сорвет со стола скатерть заодно со всей посудой... Вам же потом убирать осколки!

Идея — это как раз то, что нельзя объяснить идиоту.

Если мы о них, писателях из старой провинции, что-то и знаем, то, как правило, лишь потому, что где-то и когда-то они встречались с Пушкиным, Лермонтовым, Державиным...

Что нужно для того, чтобы стать личностью? Рецептов здесь нет, зато имеется опыт. Душа человека — это не его тело, которое можно развить физическими упражнениями. Спартанцы в древности гордились совершенством тела, но зато не оставили после себя следов ни в философии, ни в искусствах. Мы знаем людей, годами прикованных к постели, дух которых был закален лучше, чем у олимпийского чемпиона, который горько рыдает, если не взял планку. Я глубоко уверен в том, и никто не убедит меня в обратном, что только беспощадный труд способен выковывать личность из подobia человека.

Личность определяет и степень ее интеллигентности. Интеллигентом, на мой взгляд, делает человека не бумажка об окончании института, а благородство его натуры, доброта отзывчивой души, стремление помочь ближнему своему.

Значимость личности в построении обновленного общества значительно возросла. Пусть мне простят наши социологи, но я думаю так: человек обязан оставаться самим собой, не растворяясь в коллективе, обезличенный им, а, напротив, должен выделяться из массы коллектива...

Мы, русские, живем еще только потому, что нас много; будь нас меньше — русских давно бы не стало на планете...

Справедлива русская пословица: «Ежевую щетину и бархатом не укроешь».

Когда разбивается самолет, то ищут в обломках «черный ящик», чтобы он восстановил подробности гибели.

Когда умирает великий человек — ищут его современников,

чтобы они поведали нам тайны его жизни.

«Черный ящик» действует безотказно и объективно, зато современники тиранов, как правило, молчат или свирепо врут, оправдывая тирана, чтобы оправдать и самих себя...

В чем проявляется патриотизм в человеке? Для начала вспомним серого тамбовского волка — он ведь тоже большой патриот дремучего леса, но дальше своего логова зверь ничего не видит. У нас одно время было принято в литературе воспевать белую березку или куст черемухи как символы любви к Родине. Но это патриотизм местнический, чисто домашний, а мы должны смотреть на свою Отчизну гораздо шире, объемнее.

Подлинный патриотизм в первую очередь зиждется на глубоком понимании прошлого, ибо не будущее, а лишь прошлое имеет тот необходимый опыт, чтобы верно созидать будущее. Патриотизм обязан соблюдать и лучшие традиции народа. Но воспитание патриотизма мы все-таки должны начинать с истории!

Лишать народ национальной гордости за его славное былое — это значит лишать его веры в будущее, а вы сами знаете, что дерево не растет без корней...

Новгородский памятник «Тысячелетие России» был потому так зверски повержен с пьедестала фашистами, ибо они хотели бы вычеркнуть нас, русских, из всемирной истории всего человечества...

Тотальное отрицание прошлого оскорбительно! Достаточно вспомнить те годы, когда поэт Джек Алтаузен призывал уничтожить в Москве памятник Минину и Пожарскому:

Я предлагаю Минина расплавить с Пожарским. Зачем им пьедестал? Довольно нам двух лавочников славить. Их за прилавками Октябрь застал.

Случайно мы им не свернули шею. Я знаю: это было бы под стать. Подумаешь, они спасли Рассею! А может, лучше было б не спасать...

И такое печатали. И такое мы читывали...

Желая познать историю, читатель прежде всего желает знать истину, какой бы горькой она ни была.

Русский человек на пожарах никогда не грелся!

В конце каравана идет самый старый верблюд, уже хромой и облысевший. Но когда караван поворачивает назад, то этот самый плохой верблюд оказывается впереди других, и весь караван следует за ним.

Иметь сто друзей — это мало, зато иметь одного врага — это уже много!

Где нет уважения к человеку во время его жизни, там не

может быть и почитания его после смерти.

Воспитание у человека добрых чувств к природе, уважительного к ней отношения — очень важно в любом возрасте. Любить природу — значит любить и беречь Отечество...

Будем беречь для потомков не только Поклонную гору, но даже траву, которая растет у нас под ногами... Будем нежными ко всему живущему и станем беспощадно жестоки к врагам природы.

Если задуматься над вопросом о здоровье бизнесменов-миллионеров, то тут все обстоит в порядке. В отличие от тех, которые привыкли вкалывать на своих работодателей, крупный бизнес болезней избегал, и статистика подтверждает мою мысль, что миллионеры являются долгожителями нашей планеты. Это мне кажется даже странным, ибо работенка у них, скажем прямо, чересчур нервная, они и во сне покоя не видят, готовые нарушать свой режим ежечасно ради предстоящей прибыли, пусть даже малой. В том, что они люди умные, я тоже не сомневаюсь, ибо вершить хитроумные сделки, постоянно помня о конкурентах, держать в голове массу финансовых комбинаций и не ошибиться, — это, поверьте, дано не каждому из нас.

Мы должны благодарить женщин! Если бы наша страна целиком была отдана на управу мужчинам, мы давно бы погибли, и не погибает Россия лишь потому, что она испокон веков держалась на женщинах.

Счастье — это когда ты занят любимым делом и знаешь, что работа, которой отдаешь всего себя, нужна, интересна людям.

Говорят, что я избегаю общения, особенно с литераторами... Вот они меня таким и сделали. Я был разбитным, веселым, компанейским парнем. Но когда сел работать основательно, то все эти братья-писатели стали мне неинтересны. Не о чем мне с ними разговаривать! Вот наезжают со всей страны в Дом творчества в Дубулты, под Ригой. Ну, во-первых, я до сих пор не научился понимать: что это такое — Дом творчества? И почему, чтобы творить, надо ездить с одного на другой конец Советского Союза? Вот мой дом — это настоящий Дом творчества! Ну ладно, приехали. В расписании обозначены интересные места, в которых следует побывать: Домский собор, кооперативный рынок, финская баня... Ага, думает, вот здесь у меня просвет — схожу-ка я к Вальке Пикулю. Приходит. Я, как правило, занят. Ну, уважу, приглашу сесть: давай поговорим. Вам бы послушать, какие умнейшие темы они затрагивают! Ах, я недавно был во Франции, а еще раньше — в Испании, оттуда привез магнитофон новейшей марки, фотоаппарат, им щелкнешь — готовая карточка выскакивает. А ты куда ездил, в какую за границу? Никуда? А че ж так слабо? Я вот скоро в Чехословакию собираюсь, уже

приглашение лежит на столе. Кстати, а ты не знаешь, с кем нынче Катька такая-то спит? Не знаешь... А то мне говорили, что она с тем-то спала, а сейчас, интересно, с кем?..

Вот такие разговоры — а зачем мне они нужны? Я и перестал пускать...

Для меня хорошая книга — это в первую очередь историческое исследование в той области, с которой я плохо знаком. Или биография художника, о котором я что-то слышал, читал, но не имел полного представления.

Никогда не трачу время на чтение книг, даже модных, но которые не несут в себе большого заряда новых познаний, новой информации. Или тех книг, которые не располагают к размышлению...

Приурачили выпуск миниатюр к моему шестидесятилетию... А для чего под юбилей-то подгадывать? Что это за праздник такой — шестьдесят лет? Возраст — неужели заслуга? Тут посочувствовать надо человеку, горевать вместе с ним: годы-то уходят! Когда празднуют юбилей какого-то события — День Победы или другую историческую дату, — это я принимаю всей душой. Но я же вижу, какие юбилеи отмечаются у нас! С каким шумом хороводят вокруг старца, выживающего из ума, лакируют его, приписывают заслуги, которых он никогда в жизни не имел. И таких юбиляров у нас — до едрени матери; ничего не сделали путного, но юбилеи справляют им пышные. Впрочем, это мое личное мнение.

Закончил роман, поставил точку, сдал рукопись в издательство — и забыл все к чертям собачьим, голова у меня свободна для новой информации. И возникает новая идея, тема. Ну, в каком смысле забываю — основные коллизии помню: даты, имена героев, — но чтобы разговаривать с редактором, мне уже приходится реставрировать свою память. Думаю, это счастливая способность.

Мне уже немало лет. Но хотел бы я жить долго-долго...

Даже не для того, чтобы писать.

А лишь для того, чтобы учиться... учиться и учиться!

Учиться — это самое великое счастье в жизни.

На этом — прощайте, мои дорогие читатели.

Я остаюсь с вами!

Все поругано, предано, продано...

Когда засыпают окна соседних домов, а улицы города, черные и грязные, становятся жутко-нелюдимы, будто нейтронный смерч уже поверг все живое, в такие душные предночья, задавая себе вопросы, на которые не дать ответа, думается чересчур жестоко. Извечная тема: что есть истина? По опыту жизни я давно извещен,

что истины нет, она разбита в куски на триумфальных магистралях нашего идиотского века. А память подсказывает крутню вертушек магнитофонов, облики юрких интервьюеров с черными гранатами микрофонов в руках, которые они суют тебе в морду — ради заключительной концовки:

— Скажите, если бы вам удалось повторить свою жизнь, вы бы, конечно, избрали свой прежний путь?

О, с каким наслаждением я ответил бы:

— Как бы не так. Нет и никогда...

В самом деле: где взять сил, чтобы пройти заново те дороги, которые сам же и выбрал? Я не доктор Фауст, но, явись Мефистофель, я не стану просить его, чтобы вернул мне очарование молодости, ибо не знал раньше, как не знаю и сейчас — почему я выжил тогда, в молодости, и почему я живу сейчас, на пороге старости?

Вся жизнь, отданная изучению истории, привела меня к странной, может быть, нелепой мысли, что я всегда существовал. Да, мне пришлось побывать при осаде Пскова во времена Ивана Грозного, я наблюдал за повадками придворных при дворе Анны Иоанновны и Екатерины Великой, мне по сию пору слышатся победные громы Кунерсдорфа и, наконец, жалкий, смятый и раздавленный, я блуждал по кочкам болот в Пруссии, когда немцы громили армию Самсонова...

Что там одна жизнь?! У меня их было множество и каждая в своем времени, а сам я выступал в различных ипостасях, в самых различных костюмах, разговаривая различными языками.

Всегда существовавший, я всегда и обречен существовать — в будущем! Именно в этом — мое счастье как писателя, как человека, как личности...